

ХАРЬКОВСКАЯ

ГУБ:

ВѢДОМОСТИ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На $\frac{1}{2}$ года.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Безъ доставки и пересылки	8 р. 50 к.	5 р. 50 к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкою на домъ . . .	9 , — ,	6 , — ,	4 , — ,	{ 1 , 40 ,
Съ пересылкою . . .	10 , 20 ,	6 , 60 ,	4 , 20 ,	
Цѣна отдельному номеру въ Конторѣ Редакціи 10 коп.				

Подпись принимается: а) въ Конторѣ Редакціи въ Харьковѣ, въ Конномъ переулкѣ, въ домѣ Тихоновой, и б) въ квартирахъ гг. исправниковъ и становыхъ приставовъ Харьковской губерніи.

При помѣщении частныхъ объявленій платя за объявление, печатаются корпусомъ, взимается по таѣ, находящейся въ Редакціи, за занимаемое объявленіемъ мѣсто. Объявленія отъ учрежденій оплачиваются по 3 р. за столбецъ крупного шрифта, 4 р.—средняго и 5 р. мелкаго. Статьи, присыпаемы для помѣщенія въ Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, по усмотрѣнію Редакціи, подлежатъ сокращенію. Харьковскія Губернскія Вѣдомости выходятъ ежедневно.

ПОСЛѢПРАЗДНИЧНЫЙ НУМЕРЪ.

ЧАСТЬ НЕОФИЦІАЛЬНАЯ.

На всеподданѣйшія поздравленія, принесенные г. начальникомъ губерніи совмѣстно съ г.г. предводителемъ дворянства харьковской губерніи и харьковскимъ городскимъ головою по случаю высокоторжественнаго дня тезоименитства Ея Величества Государыни Императрицы и Ея Высочества Иссударыни Великой Князь-цесаревны, его сиятельство имѣть счастіе получить слѣдующія ответныя телеграммы:

«Государыня Императрица, принявъ съ удовольствиемъ поздравленіе всѣхъ сословій харьковской губерніи, поручаетъ вашему сиятельству передать имъ искреннюю благодарность Ея Величества».

Графъ Барановъ.

„Искренно благодарю васъ и прошу передать мою благодарность всѣмъ, отъ имени которыхъ вы прислали мнѣ поздравленія».

„Марія».

ПЕЧАРЕДСТВЕННЫЯ ТЕЛЕГРАММЫ

„Харьковскихъ Вѣдомостей».

отъ МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕЛЕГРАФНОГО АГЕНТСТВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 24 юля.* Обнародованъ указъ Его Величества правительствующему сенату, повелѣвающій призвать нынѣ на службу 185,467 ратниковъ государственного ополченія перваго разряда.

*) Отмѣченія знакомъ * телеграммы разосланы были вчера городскимъ подписчикамъ отдельнымъ прибавленіемъ къ № 188 хар. вѣд.

ЛОНДОНЪ, 23 юля (4 августи).* Въ Портсмутѣ получено приказаніе адмиралтейства приготовить два судна для отправки 30 юля (11 августи) еще 3000 войскъ въ средиземное море.

БЕРЛИНЪ, 23 юля (4 августи).* Фельдмаршалъ Штейнмецъ внезапно скончался нынѣшнею ночью въ Силезіи.

КЮРЮКЪ-ДАРА, 23 юля (4 августи). (Депеша Голоса). Мухтаръ-паша освобождается отъ лишнихъ тяжестей, которые отправляются въ Карсъ. Въ турецкомъ лагерѣ сильная диссентерія. По слухамъ, англійскій военный агентъ Камбелль, разсорившись съ Мухтаромъ, уѣхалъ въ Эрзерумъ. Позиціи обѣихъ сторонъ остаются безъ перемѣнъ.

РАЗГРАДЪ, 22 юля (3 августи). Четыре тысячи албанскихъ всадниковъ прибыли въ Плевну для подкрепленія Османа.

БУКУРЕШТЬ, 22 юля (3 августи). Между Раховомъ и Пекетомъ идетъ безостановочная канонада.

КОНСТАНТИНОПОЛЬ, 23 юля (4 августи). Порта пригласила представителей христіанскихъ общинъ сформировать изъ христіанъ милицію для охраненія общественной безопасности совмѣстно съ жандармами.

Въ столичныхъ газетахъ напечатаны слѣдующія телеграммы:

ВѢНА, 2 августи (21 юля). Въ Політическую Корреспонденцію сообщаютъ изъ Букурешта:

„Битва при Плевнѣ началась 17 юля въ 9 часовъ утра и длилась, не прерыв-

аясь, до двухъ часовъ утра 18 юля. *

„Турецкая армія, усиленная корпусами изъ Ниша, Софіи и Видина насчитывала 80.000 человѣкъ и занимала чрезвычайно сильную позицію по рѣкѣ Виду на щѣпи холмовъ, господствующихъ надъ окрестностями.

„Русскія войска, состоявшія изъ корпуса Криденера, дивизіи изъ корпуса Шаховскаго и казачьей бригады Скобелева, произвели атаку на оба фланга непріятеля.

„Дивизія Шаховскаго сильнымъ натискомъ въ штыки выгнала турокъ съ трехъ позицій, но не могла удержаться вслѣдствіе огня турокъ съ болѣе возвышенныхъ пунктовъ.

„Въ центрѣ русскому баталіону удалось на короткое время овладѣть Плевной, но попавъ подъ перекрестный огонь, баталіонъ долженъ былъ вскорѣ съ большими уронами отступить.

„Потери съ обѣихъ сторонъ колоссальныя.»

ПЕТЕРБУРГЪ, 22 юля. Въ St.-Petersburger Zeitung телеграфируютъ изъ Вѣны, отъ 21: Изъ турецкаго источника сообщаютъ, что въ понедѣльникъ части 9-го корпуса въ соединеніи съ корпусомъ Криденера ** произвели атаку на Плевну, но безуспѣшно. Во вторникъ атака была повторена съ двухъ сторонъ, южнѣе отъ Кришина и сѣвернѣе отъ Гравица ***. Хотя передовая позиція турокъ у Киртошаба и были обойдены непріятелемъ, но послѣдній все-таки былъ откинутъ назадъ. Турки боятся, что имъ не удержать своихъ позицій у Плевны, если румыны, съ главными своими силами, перейдутъ Дунай у Рахова. Въ Вѣнѣ ходить слухъ, что Австрія тотчасъ же сосредоточитъ семь дивизій у Пешта, Граца и Брова.

* Къ этому числу, а не къ 19, по всему фронту относится и послѣднее донесеніе Османъ-паши, напечатанное въ сегодняшнемъ номерѣ.

** Тутъ явная ошибка: генералъ Криденеръ командуется именно 9-мъ корпусомъ.

*** Гравица селеніе на шоссе изъ Плевны въ Вѣну.

ПЕТЕРБУРГЪ, 22 юля. Въ *Новое Время* телеграфируютъ:

Букурештъ, 20 юля. При атакѣ у Плевны, 18 юля, участвовали части четвертаго, девятаго и одинадцатаго корпусовъ, въ числѣ 33.000 человѣкъ подъ начальствомъ Криденера, Шаховскаго и Скобелева. Четвертому корпусу удалось занять Плевну, сильно укрепленную многими батареями, по потери наши были столь значительны, что войска, оставивъ Плевну, отступили на линію Осмы. Турокъ, бывшихъ въ бою, насчитываются до 60.000; наши солдаты бились какъ львы.

Виена, 21 юля. Изъ Константино-поля сообщаютъ, что вооруженные мусульмане публично на улицѣ умертвили нѣсколько болгаръ.

ПЕТЕРБУРГЪ, 22 юля. Сегодня, въ 2 часа, изъ зданія главнаго штаба будуть пронесены по улицамъ столицы трофеи, привезенныя съ театра военныхъ дѣйствій. Затѣмъ ихъ отвезутъ въ церковь Св. Троицы.

ПЕТЕРБУРГЪ, 22 юля. *Русскій Миръ* передаетъ слухъ, что 19 былъ переданъ членами биржеваго комитета министру финансовъ для представления въ распоряженіе Государыни Императрицы чекъ на государственный банкъ въ 250.000 рублей, которые были собраны петербургскими биржевыми купечествами въ пользу раненыхъ.

На днѣхъ открыта здѣсь толика въ пользу армянскихъ семействъ, потерявшихъ отъ неспокойства турокъ.

Изъ Боржома сообщаютъ, что 17 юля тамъ открытъ Московскій барачный госпиталь имени Ея Высочества Великой Княгини Ольги Федоровны.

Въ *С.-Петербургскія Вѣдомости* телеграфируютъ:

Рагузъ, 20 юля. Изъ лагера черногорцевъ подъ Никшичемъ сообщаютъ, что черногорцы отвели воду, которую снабжалась Никшичъ, и нанесли ему изврежденія бомбардировкой.

ЛОНДОНЪ, 21 юля. Въ нижней палатѣ Порткотъ отвѣчаетъ Халлею, что онъ никогда не получалъ отъ русскаго правительства заяленія, гдѣ бы было сказано, чтобы Авглія, дабы предотвратить нарушение своихъ интересовъ въ Египтѣ, должна употребить вліяніе, чтобы Россія не была вынуждена защищаться нападеніемъ съ своей стороны противъ открытой войны, ведомой противъ нея Египтомъ.

БѢЛГРАДЪ, 3 августа (22 юля). Обнародованъ декретъ князя, уполномочивающій военнаго министра призвать 3.000 солдатъ милиціи для охраненія границъ княжества. Тѣмъ же декретомъ повелѣно военному министру довести военный материалъ до надлежащей нормы.

Въ воскресенье, 24 юля, въ Харьковъ прибылъ первый поѣздъ съ плѣнными турками въ числѣ 500 человѣкъ, составляющій четырнадцатую часть сдавшагося гарнизона крѣпости Никополь. Настоящая партія слѣдуетъ въ г. Ярославль и состоитъ исключительно изъ нижнихъ чиновъ низама.

Въ пятницу, 22 юля, въ саду Ливадія извѣстный московскій балансиръ и эквилибрістъ Егоръ Ваильевъ, давая представленія на канатѣ, натянутомъ отъ земли на высотѣ семи сажень, упалъ съ лопнувшаго по срединѣ каната на землю. Несчастнаго подняли окровавленного и немедленно отправили въ Александровскую городскую больницу. Намъ передавали, что жизнь его не въ безопасности.

Съ театра военныхъ дѣйствій.

Новыя подробности о боѣ парохода Веста съ турецкимъ броненосцемъ.

Корреспондентъ *Нової Времени* сообщаетъ слѣдующія весьма интересныя свѣдѣнія о самомъ ходѣ боя:

„Первая непріятельская бомба, попавшая въ *Весту* и разорвавшаяся на палубѣ, говорить она, причинила столько вреда, что казалось бы одинъ этотъ выстрѣлъ долженъ былъ причинить неизобразимое замѣшательство, отъ которого могла погибнуть *Веста*. Осколки разорвавшейся бомбы и картечь, которою она оказалась вачиненою, какъ дождемъ засыпали всю палубу. Разомъ подбито было одно орудіе, и кровь брызнула съ разныхъ сторонъ. Канониры двухъ кормовыхъ орудій повалились замертво, за ними упало нѣсколько матросовъ раненыхъ, тутъ же свалились съ ногъ и два артиллерійскіе офицера: полковникъ Черновъ и поручикъ Яковлевъ.

„О послѣднихъ минутахъ обоихъ офицеровъ я слышалъ такой разсказъ.

„Когда упалъ полковникъ Черновъ, онъ весь былъ залитъ кровью; осколкомъ бомбы ему отъ лѣваго ваха своротило всю брюшную полость: „сердце было видѣть“, разсказывалъ одинъ матросъ.

„Несмотря на такую ужасную и безусловно смертельную рану, Черновъ въ продолженіи вѣсколькихъ мгновеній еще жилъ. Онъ даже поднялся на ноги, обнявъ близъ стоявшаго матроса, затѣмъ снова упалъ, успѣвъ сказать: „Прощайте!... На кормѣ не забудьте... Заряжено... дѣйствуйте!“ Съ этими словами онъ умеръ.

„То же самое повторилось и съ молодымъ поручикомъ Яковлевымъ. Этотъ несчастный былъ буквально засыпанъ и разсѣченъ по всѣмъ направлѣніямъ картечью. На него тѣль было насчитано двадцать девять ранъ. Не смотря на это, и онъ успѣлъ сказать свое послѣднее слово: „братцы, въ карманѣ у меня раз-

рывные трубки, пригодятся!“ Вторая попавшая бомба разразилась съ такими же убийственными послѣдствіями какъ и первая. Она также повредила одно орудіе и скосила не мало жертвъ. Опять полетѣли въ разныя стороны брызги мозга и крови, опять насыпалъ уложило нѣсколько человѣкъ матросовъ. Изъ офицеровъ погибъ на этотъ разъ лейтенантъ Перелешинъ. Въ эту минуту, когда разорвало бомбу, онъ находился со своею командой у миноноснаго катера, который снаряжалъ, такъ какъ его было приказано приготовить на всякий случай. Осколокъ бомбы, между прочимъ, попалъ Перелешину въ руку и раздробилъ кость въ пяти мѣстахъ. Несмотря на страшныя, нечеловѣческія муки, онъ остался въ полномъ сознаніи и, лежа въ каютѣ своего брата, старшаго офицера, все время продолжалъ спрашивать о ходѣ сраженія и снараженіи катера, которымъ завѣдывалъ.

„Одновременно съ этимъ, отъ разорвавшейся бомбы на пароходѣ произошелъ пожаръ, который грозилъ страшнымъ взрывомъ, такъ какъ загорѣлось подлѣ крюйтъ-камеры, где хранится порохъ.

„Разъ потущенный, пожаръ возобновился, когда разорвало новую бомбу, но и во второй разъ, какъ и въ первый, онъ былъ потущенъ своевременно. А раненые и убитые, между тѣмъ, все прибывали; ихъ сносили въ каютъ-кампанию, где устроили лазаретъ. Молодой докторъ Франковскій едва успѣвалъ спасать раненыхъ и перевязывать имъ раны. Лейтенантъ Перелешинъ три часа оставался безъ перевязки, ожидая своей очереди.

„Бой между тѣмъ все продолжался и становился все упорнѣе, все отчаяннѣе.

„Бывали минуты, когда броненосецъ почти нагонялъ *Весту*, межеу ними оставалось пространства менѣе, чѣмъ на ружейный выстрѣлъ. Тогда командръ парохода, капитанъ-лейтенантъ Барапонъ, все время не сходившій со своего возвышенаго мостика, вызывалъ къ борту стрѣлковъ, и они давали ружейный залпъ по непріятелю. Иногда самъ г. Барапонъ, извѣстный какъ отличный стрѣлокъ, выхватывалъ изъ рукъ матроса ружье и стрѣлялъ со своей вышки.*)

„Подъ конецъ наступило мгновеніе, когда минуты *Весты*, казалось, были сочтены. Въ томъ положеніи, въ которомъ находились обѣ сражающіяся стороны, непріятель имѣлъ то страшное преимущество, что при близкѣмъ разстояніи онъ могъ успѣшно дѣйствовать своимъ разрушительными орудіями, между тѣмъ какъ *Веста* исключительно могла серіозно разсчитывать только на мортиры, павѣсные выстрѣлы которыхъ успѣшно дѣйствуютъ лишь на дальнемъ разстояніи.

* Капитанъ-лейтенантъ Барапонъ имѣть призы за стрѣльбу отъ лондонскаго и бельгійскаго стрѣлковыхъ обществъ.

„Надо было добиться прежде всего и во что бы то ни стало большей скорости хода. Но все средства были уже пущены в ходъ: офицеры то и дѣло, по приказанію капитана, сбѣгали внизъ, чтобы подбодрять измученныхъ, выбившихся изъ силъ кочегаровъ. Въ печи бросали пеньку, лили масло и всевозможная горючія вещества, но паръ и безъ того былъ поднятъ до крайнаго предѣла своей высоты. Тогда среди команды съ быстротой молниі пронеслось извѣстіе о предложеніи капитаномъ рѣшенія, принятомъ всѣми единогласно. Было рѣшено испытать послѣднее средство: вся команда должна была броситься на катера и, съ миненосцемъ впереди, разомъ абордировать броненосецъ. Численность команды на броненосцѣ вчетверо, если не впятеро больше команды *Весты*; но что за дѣло когда рѣчь идетъ о „послѣднемъ средствѣ“! На случай же, еслибы и это не удалось, было рѣшено: оставшимся на пароходѣ сдѣлаться въ плотную съ броненосцемъ, и поднося одною рукой къ крюйгъ-камерѣ зажженный фитиль, другою крѣпче и мужественнѣе обнять врача, чтобы вмѣстѣ разомъ взлетѣть на воздухъ.*)

Славное рѣшеніе, достойное такихъ героевъ-храбрецовъ! Когда оно было объявлено по командѣ, всѣ сняли шапки, перекрестились и крикнули *ура!* Между тѣмъ, кормовая мортиры еще были заражены. Изъ нихъ было рѣшено дать послѣдній залпъ. Направляясь орудія лейтенантъ Рождественскій, который, вмѣстѣ съ лейтенантомъ Кротковымъ, посль смерти обоихъ артиллерийскихъ офицеровъ, оставался распорядителемъ у кормовыхъ орудій. Взлетѣлъ снарядъ и—настоящее чудо!—онъ попадасть прямо въ башенную, то-есть въ самую существенную часть броненосца. Тамъ у непріятеля велѣдь за этимъ поднялось страшное смятеніе, настоящій содомъ. На выстрѣлы онъ болѣе не отвѣчаетъ, паръ повалилъ изъ люковъ,—бомба разорвалась удачно, наѣрное въ самой машинѣ.

Можно живо представить себѣ восторгъ, который охватилъ тогда команду *Весты*. Загремѣло снова *ура!* и наши выстрѣлы зачастѣли съ новою энергией.

Положивъ право на бортъ, побитый броненосецъ повернулся вспять. Сразу замедлившимся ходомъ онъ, безъ единаго выстрѣла, сталъ уходить отъ *Весты*. Между тѣмъ, здѣсь первымъ движениемъ было пуститься за нимъ вслѣдъ, чтобъ окончательно обезоружить его и взять въ плѣнъ. Но это было бы черезчуръ

рискованно. По разказамъ многихъ участниковъ дѣла, въ это самое время на горизонтѣ показалось нѣсколько турецкихъ броненосцевъ.“

— О движеніяхъ эриванского отряда въ „Вечернюю Почту“ пишутъ изъ Игдыря, отъ 3-го юля: „15-го апрѣля, мы перешли границу, а 18-го уже заняли Баязетъ, изъ которого отступалъ гарнизонъ въ 1,700 человѣкъ; но мы его не преслѣдовали, и это была первая крупная ошибка, стоявшая намъ, по послѣдствіямъ, весьма и весьма дорого. Гарнизонъ баязетскій отступилъ по ванской дорогѣ; мы же наступали по большой транзитной эрзерумской. Въ Баязетѣ мы оставили шесть ротъ пѣхоты при двухъ орудіахъ и трехъ сотняхъ казаковъ. Весь май мы двигались впередъ весьма медленно, приводя въ покорность Курдиスタンъ. Обращеніе наше съ курдами было крайне снисходительно, чтобы не сказать больше; они свободно гуляли по нашему лагерю и можно было увѣреніемъ, что, подъ видомъ курдовъ и армянъ, къ намъ приходили турецкіе паша, беи-бashi и юз-бashi. Платили мы местнымъ армянамъ громадныя деньги за забираемыя у нихъ продукты. Такъ мы прошли верстъ 150 отъ границы, нигдѣ не встрѣчая турокъ, которые при нашемъ приближеніи бросали укрѣпленную позицію и отступали въ глубь страны. По дорогѣ наступленія мы оставили еще 1½ батальона, такъ что 4-го юля у насъ въ главномъ отрядѣ было всего 6½ батальоновъ. Вотъ съ этимъ-то числомъ войскъ намъ пришлось брать весьма укрѣпленную позицію на Дришъ-Дагскихъ Высотахъ. Наша артиллѣрія дѣйствовала замѣчательно и, благодаря только ей, турецкая позиція послѣ восемьмичасового боя, была взята нами. У непріятеля было 12 батальоновъ пѣхоты и семь орудій. Занѣ въ непріятельскую позицію, мы двинулись нѣсколько впередъ и стали буквально въ амѣ. Здѣсь мыостояли пять дней совершенно спокойно. 9-го юна Мухтаръ-паша, имѣя у себя 22 батальона, атаковалъ насъ. Несмотря на численное подавляющее превосходство непріятеля, мы не отступили, но, напротивъ заняли еще кое-что изъ передовой непріятельской позиціи. Бой 9-го юна у Даирскихъ Высотъ—былъ страшный бой. Мы дрались безъ резервовъ, растянувъ нашу позицію на четырѣ версты, офицеры и солдаты оспоривали другъ у друга право быть впереди, пѣкоторые офицеры дрались на сабляхъ, другие работали штыками. Бой длился цѣлый день, два раза подвозили патроны, только при свѣтѣ луны прекратился бой. Полторы роты крымцовъ нѣсколько разъ ходили въ атаку на завалъ, который переходилъ изъ рукъ въ руки; ротный командиръ, субалтернъ-офицеры были ранены; однако, въ концѣ концовъ, завалъ остался въ нашихъ рукахъ. До 15-го юна мыостояли на хорошей позиціи, которую, вдобавокъ, еще и укрѣпили и врядъ ли турки могли бы насъ выбить изъ нея даже и съ

40 батальонами. Мы находились всего въ 90-ти верстахъ отъ Эрзерума. Тѣмъ временемъ, въ тылу нашемъ возвстали курды, а ванскій отрядъ окружилъ Баязетъ и требовалъ его сдачи. Наша запасы приходили къ концу, подвоза никакого, почти всѣ сообщенія прекратились, снарядовъ почти не оставалось. Въ этомъ положеніи рѣшено было отступить на выручку баязетскаго отряда, который сидѣлъ даже безъ воды. Началось десятидневное отступленіе, пасъ преслѣдовалъ по пятиамъ многочисленный отрядъ; мы два раза могли перейти въ наступленіе, но не дѣлали этого, такъ какъ съ нами было много раненыхъ и ихъ некуда было бы дѣлать. Мы отступили къ границѣ, гдѣ, отдохнувъ одинъ день и пополнивъ снаряды, патроны, сухари и проч., двинулись на Баязетъ. Атака наша противъ осаждающаго турецкаго корпуса была весьма трудна, по недоступности мѣста, окружающаго Баязетъ; надо вѣдѣть, какія твердыни и скалы окружаютъ городъ. Но развѣ высоты и скалы могли устрашить кавказскихъ героеvъ? Солдаты дрались, какъ львы, и прогнали турокъ. Болѣе 400 человѣкъ турокъ было заколото штыками, 80 человѣкъ взяты въ плѣнъ; намъ достались четыре пушки. Баязетскій гарнизонъ спасент. 1-го юля мы возвратились въ Игдыръ, гдѣ и приводимъ себя въ порядокъ. Во время трехмѣсячнаго похода, солдаты оборвались совсѣмъ. Сапоговъ нѣтъ, штаны порваны, рубахи никаку не годятся и прочъ.

РАЗНЫЕ ИЗВѢСТИЯ.

— Фельетонистъ Голоса передаетъ слѣдующій эпизодъ изъ былыхъ военныхъ дѣйствій на Кавказѣ. „Я встрѣтился на днѣхъ съ отставнымъ кавказцомъ, все еще, по старой памяти, состоящимъ въ постоянныхъ спошненіяхъ съ старыми своими боевыми товарищами, продолжавшими служить въ кавказской арміи. Отъ одного изъ нихъ онъ получилъ недавно весьма интересное письмо, касающееся нашихъ военныхъ дѣйствій въ Малой Азіи. Малоуспѣшность ихъ, сравнительно съ рядомъ триумфовъ, выпадающихъ пониже на долю нашей дунайской арміи, по словамъ пишущаго, „ни въ какомъ случаѣ, не слѣдуетъ приписывать ни малочисленности у насъ тамъ войска, ни безталанности отдѣльныхъ начальниковъ, ни, какъ полагаютъ многіе, слишкомъ большой смѣлости начертаннаго плана“....

По этому поводу знакомый мой припомнилъ интересный фактъ:

Въ 1853 году, тогдашній кавказскій начальникъ, князь Воронцовъ, послалъ принять начальство надъ войсками, дѣйствовавшими подъ Ахалцыхомъ, противъ наступавшихъ на насъ турокъ, тифлисскаго губернатора, князя Андроникова, о которомъ онъ имѣлъ весьма хорошее мнѣніе, какъ о замѣчательно храбромъ офицерѣ и который вполнѣ заслужилъ. Но, зная, съ другой сторо-

*). Такое же рѣшеніе принято было капитаномъ Казарскимъ и всю командой брига Меркурій, сражавшагося въ 1828 году съ тремя турецкими фрегатами. Въ кампаніи 1789 года, капитанъ шлюза, баронъ Остенъ-Сакенъ, окруженный превосходными силами непріятеля, сдѣлился съ ближайшимъ турецкимъ караблемъ и вмѣстѣ съ нимъ взлетѣлъ въ воздухъ.

ни, что этот крабрецъ—человѣкъ, дишненный всякаго образованія, князь Воронцовъ снабдилъ его при этомъ инструкціей, которой предписывалось Андроникову, немедленно по прибытіи къ войску, собрать изъ начальниковъ подчиненныхъ ему частей военный совѣтъ и, "на основаніи имѣющаго состояться въ этомъ совѣтѣ рѣшенія", дѣйствовать противъ непріятеля.

Князь Андрониковъ былъ, дѣйствительно, человѣкъ необразованный, но владѣлъ весьма дорогимъ качествомъ—характеромъ и, какъ говорится, зналъ, чего хотѣлъ.

Онъ, согласно инструкціи, созвалъ немедленно, по прибытіи своемъ, военный совѣтъ и, прежде всего, просилъ сообщить ему о числѣ нашихъ и непріятельскихъ войскъ.

Оказывалось, что у насъ было девять или десять батальоновъ пѣхоты съ соотвѣтствующимъ числомъ артилеріи и казаковъ; у турокъ до 50.000 человѣкъ—чуть не впятеро больше.

—Какъ же вы полагаете дѣйствовать, господа? спросилъ Андрониковъ.

Послышились самыя хитросплетенныя и разнорѣчивыя соображенія. Отступление, въ виду непомѣрного превышенія непріятельскихъ силъ, представлялось совѣту неизбѣжнымъ. Каждый при этомъ предлагалъ свой варянтъ на эту тему, грозя самыми пагубными послѣдствіями, въ случаѣ, еслибы то, что предлагалось имъ, не было принято....

Андрониковъ слушалъ, слушалъ... и поднялся, наконецъ, съ мѣста:

—Ну, господа, я вамъ не буду мѣшать. Продолжайте вашъ совѣтъ. А только такъ какъ турокъ долженъ быть разбитъ, то мы его завтра и разобьемъ—и я такъ ужъ и распоряжуясь. Прощайте!

На другой день, какъ сказано было имъ, "распорядился" и разбилъ—да еще какъ разбилъ! Прочтите въ исторіи генерала Богдановича...

Никопольскій Гассанъ-паша.

Специальный корреспондентъ вѣнской Presse пишетъ изъ Букурешта отъ 7-го июля:

"Хотите вы видѣть Гассанъ-пашу?" спросилъ меня одинъ изъ моихъ знакомыхъ, котораго я посѣтилъ сегодня утромъ. Не будучи официальной особой, знакомый мой всегда, однако жъ, знаетъ всѣ новости, а такъ какъ онъ не имѣетъ важныхъ занятій, то всегда очень радъ, если событія дня приносятъ ему развлечениe, да еще смѣшанное съ волненiemъ. Не столько для того, чтобы видѣть Гассанъ-пашу, сколько для наблюдений за поведеніемъ публики при его прибытіи, принялъ я приглашеніе, и въ полчаса одиннадцатаго прибыли мы на станцію желѣзной дороги Филаретъ.

"Официальная лица на станціи, директоръ и начальникъ станціи вовсе не знали—привезетъ ли ожидаемый поѣздъ плѣненнаго пашу, но дамы, живущія по

сосѣдству со станціей, Богъ знаетъ какими путами, уже узнали, что сегодня прибудутъ плѣненные турки. Вслѣдствіе этого мы встрѣтили на станціи желѣзной дороги очень много женщинъ, а такъ какъ ожидался приходъ обычнаго пассажирскаго поѣзда изъ Журжева, то тутъ же находилось множество лицъ, присутствующихъ по обыкновенію при приемѣ поѣзда: желѣзодорожные чиновники и служители, извозчики, носильщики и т. п. На этотъ разъ дамы въ особенности прѣѣхались впередъ. „Каковъ-то изъ себя паша, у которого много женъ?“ Естественно, дамъ одолѣвало любопытство! Особыхъ приготовленій къ приему плѣненныхъ не было сдѣлано; не было видно ни русскихъ, ни румынскихъ офицеровъ и солдатъ; не было даже полиціи; все было по обыкновенію...

„Но вотъ подкатилъ поѣздъ и всѣ бросились къ первому вагону первого класса. Изъ него вышелъ русскій поручикъ, а за нимъ турокъ. Еслибы на его сюртукѣ не было эполетъ, его нельзя бы было счесть за офицера,—такъ мало военного было въ его виѣности и приемахъ.

Гассанъ-паша—настоящій гигантъ ростомъ; онъ цѣлой головою выше всѣхъ, кто его окружаетъ; его широкія плечи и плотная талия вполнѣ соотвѣтствуютъ величинѣ корпуса, но походка у него не военная; онъ шагаетъ какъ-то широко и вяло, что портить впечатлѣніе, производимое его фигурой. Его голова очень типична и заслуживаетъ быть моделью для скульптора или живописца: высокій лобъ, большие глаза, орлиный носъ, толстые губы и плотный подбородокъ; овальное лицо окаймляется густою, но недлинною черною бородою; голова острижена гладко и покрыта феской.

Хотя Гассанъ-паша, повидимому, улыбался, проѣираясь черезъ тѣснившуюся около него толпу, но въ его манерѣ не было ничего дружелюбнаго, его холодный взглядъ изобличалъ жестокость подобно тому какъ губы—любовь къ чувственнымъ наслажденіямъ. Разваливаясь, ходилъ онъ по залѣ, передъ нимъ несли его чемоданъ, медвѣжью кожу и сѣдельную сбрую; самъ онъ держалъ въ рукахъ жестяную коробку съ румынскимъ табакомъ."

Его русскій компаньонъ оставилъ его на нѣкоторое время и плѣнныи генераль свободно расхаживалъ вдоль и поперекъ станціи; но по выходѣ изъ нея, Гассанъ-паша снова нашелъ своего компаньона, который пригласилъ его сѣсть въ коляску и повезъ его къ генералу Каталею. Здѣсь былъ приготовленъ для Гассана обѣдъ, а вечеромъ ему отвели спальныи вагонъ, въ которомъ онъ поѣхалъ въ Пашканы, а оттуда, черезъ Яссы, въ Кишиневъ.

Одѣть былъ турецкій генераль очень небрежно. Сѣрый жакетъ съ золотыми погонами и двумя звѣздами, какъ отлиchie, темнаго цвѣта шаровары и пара сапогъ съ высокими голенищами,—и все

это далеко не въ прекрасномъ состояніи. Проходя мимо толпы, онъ ни въ комъ не внушилъ къ себѣ уваженія. Однакожъ, русскіе офицеры рассказывали, что его корпусъ храбро дралисъ 4 час. утра до 8 час. вечера. Увидѣвъ Гассанъ-пашу, я никакъ не могъ повѣрить, чтобы онъ способенъ быть на такой подвигъ. Онъ могъ командовать иъ своего конака, предоставивъ бѣднымъ солдатамъ славу дня, а также и всѣ его жертвы. Турки храбро дралисъ; это доказывается не только продолжительностью борьбы, но также числомъ убитыхъ и раненыхъ русскихъ. Число всѣхъ ихъ теперь доходитъ до 2000 человѣкъ, какъ сознаются въ этомъ сами русскіе.

Гассанъ рѣшился на капитулацио лишь тогда, когда былъ совершенно окружено и у него отняты были всѣ средства къ отступленію; онъ вручилъ свою саблю парламентеру и предложилъ условія сдачи. При звукахъ гимна, генераль Крюденеръ вступилъ въ крѣпость съ своимъ корпусомъ; турецкіе солдаты сдали свое оружіе и прошли рядами, какъ плѣненные, передъ русскимъ генераломъ. Они были въ столь печальному состояніи, что имъ со стороны русскихъ давались сапоги, а вѣкоторымъ и одежда. Турецкіе солдаты не получали ни жалованья, ни надлежащаго продовольствія; даже военныхъ запасовъ не было въ достаточномъ количествѣ, которое хватило бы на болѣе продолжительную оборону, 72 пушки (а не 40) попали въ руки русскихъ вмѣстѣ съ двумя поврежденными мониторами. Гассанъ-паша переносить свой плѣнъ, повидимому, весьма равнодушно. Понятно, что въ русскомъ лагерѣ господствуетъ сильная радость и генераль Крюденеръ не замедлилъ, вслѣдъ за счастливымъ событиемъ, телеграфировать русскому Императору: "Я счавль, что могу уведомить Ваше Величество: Никополь палъ къ стопамъ Вашего Величества".

Время прихода и отхода желѣзодорожныхъ поѣздовъ.

	Скорый.	Почтовый.
Приходить въ Харьковъ:		
Изъ Курска .	2 ч. 49 м. дня	11 ч. 37 м. веч.
— Таганрога .	2 ч. 29 м. —	7 ч. 24 м. утр.
— Полтавы .	3 ч. 52 м. —	6 ч. 4 м. утр.
Отходить изъ Харькова:		
Въ Курскъ .	4 ч. 34 м. дня	8 ч. 14 м. утр.
— Таганрогъ .	4 ч. 24 м. —	12 ч. 52 м. ноч.
— Полтаву .	3 ч. 14 м. —	1 ч. 14 ч. ноч.

РЕДАКТОРЪ И. УСТИНОВЪ.